

Уеній Русскаго сыска
И.Д.ПУТИЛИНЪ.
РАЗСКАЗЫ О ЕГО ПОХОЖДЕНІЯХЪ

Константин
ВАСИЛЬЕВ

г. Санкт-Петербург

Убийство

Миклухи-Маклай

Читая «Записки» И.Д.Путилина, первого начальника сыска Санкт-Петербурга, трудно определить, в какой степени реальные события приправлены вымыслом. Кроме «Записок», печатались истории, вроде бы основанные на устных рассказах Путилина; выходили и пользовались спросом у невзыскательной публики произведения, полностью сочинённые. В своё время бойкий литератор Роман Добрый, он же Р.Л.Антропов, наплодил с полсотни брошюрок, в коих приписал Путилину, гению русского сыска, множество невероятных подвигов и приключений: «Гроб с двойным дном», «Одиннадцать трупов без головы», «Нижегородская кровавая баня»...

Впрочем, и в «Записках», вышедших в Петербурге в 1904 году и представленных как подлинные воспоминания Ивана Дмитриевича, встречаются не менее завлекательные названия, что наводит на мысль о литературной обработке, предпринятой издателем: «Человек-сатана», «Кровавый миллион», «Страшное дело кровавой красавицы»...

В шестой части, между «Финалом любви» и «Шайкой атамана Стеньки Разина», нам предлагают «Убийство Миклухи-Маклай», и невольно возникает вопрос: здесь-то о ком и о чём? Фамилия указывает на знаменитого путешественника: Николай Николаевич Миклуха придумал её лично для себя. Однако носитель фамилии умер своей

смертью в апреле 1888 года. С точки зрения грамматики, идёт речь о женщине: убили Миклуху-Маклай, а не Миклухо-Маклая. Путешественник был женат на австралийке Маргарет Робертсон, он привёз её в Петербург летом 1887 года, они сняли квартиру на Галерной улице... После смерти мужа Маргарет (Margaret-Emma Miklucho-Maclay) вернулась вместе с детьми в Австралию, жила она ещё очень долго. Или означенный путилинский рассказ – литературная выдумка от начала до конца, или же отголосок какого-то подлинного события?

Лужи крови и непросохшие чернила

Составляет сомнений в том, что к воспоминаниям полицейского чиновника приложил руку журналист, имеющий опыт в сочинительстве для широких читательских кругов. Прибыв на место преступления, Путилин видит в прихожей труп прислуги – миловидной девушки, «но с лицом, искривлённым судорогами огромного физического страдания». И далее в таком же духе: «Горло её было перерезано глубоко. Огромные лужи крови совсем залили её грудь, плечи... Глаза, полные невыразимого ужаса, были широко раскрыты. Раскрыт был также и рот. Ослепи-

тельно белые зубы выделялись особенно ярко на этом красном кровавом фоне».

Рассказ ведётся от первого лица. Путилин описывает квартиру: «В зале <...> на <...> письменном столе грудой лежали бумаги. Я <...> стал рассматривать их. На верхнем листе <...> значилось: Две тысячи рублей <...> послать управляющему приказ о расширении... – Я впился глазами в эти строки... Чернила ещё не просохли. Местами виднелись чернильные пятна, свежие. Очевидно, она только что писала».

Она – вторая жертва, Александра Васильевна Миклуха-Маклай, хозяйка квартиры.

Непросохшие чернила явно придуманы. Автор рассказа даёт понять: таким образом гений русского сыска определит, что убийство совершено недавно! Из-за писательского недомыслия И.Д.Путилин выставлен в глупом свете, тогда как его способности в розыском деле не требовали прикрас, и они не вызывали сомнений, например, у известного судебного деятеля А.Ф.Кони: «По природе своей Путилин был чрезвычайно даровит и как бы создан для своей должности».

Если верить рассказчику, преступление было совершено утром – незадолго до того, как в квартиру позвонил некий полковник В. Никто не отвечал, полковник удивился: хозяйка, Александра Васильевна, обычно вставала рано. А где горничная? Оказалось, что дверь не заперта. Полковник вошёл и – «вдруг остановился, словно поражённый столбняком». Другие писаки в таких случаях используют «как громом поражённый, молнией поражённый, впавший в оцепенение»... Правда, Ф.М.Достоевский, которого не назовёшь писакой, схожим языком передаёт состояние своих персонажей: «Секунд десять продолжалось молчание, точно столбняк нашёл на всех» – это в романе «Преступление и наказание», когда красильщик Миколка, решивший взять на себя двойное убийство, становится на колени в полицейском управлении и кается: «Виноват! Мой грех! Я убивец! <...> Алёну Ивановну и сестрицу ихнюю, Лизавету Ивановну, я... убил... топором». От его неожиданного признания даже Порфирий Петрович, пристав следственных дел, впал в мгновенное оцепенение.

Достоевский вспомнил невольно, поскольку оба преступления произошли в той части Петербурга, которая примыкает к Сенной площади, где серединные петербургские улицы и переулки между Садовой улицей и Большой Мещанской перевиты Екатерининским каналом и тесно застроенные кварталы рассечены сверху вниз и наискось Вознесенским проспектом.

Как долго сохнут чернила? Полковник В., знако-

мый Миклухи-Маклай, обнаружил убийство в половине десятого. До этого и трупы в лужах крови, и упомянутые деловые бумаги с чернильными пятнами лежали в квартире где-то около часа. Увидев убитую горничную, полковник бросился на улицу, сообщил дворнику: «В квартире госпожи Миклухи-Маклай убийство. <...> Девушка лежит в прихожей зарезанная». Дворник от испуга как бы окаменел. Положим минут пять на то, чтобы дать дворнику выйти из окаменелого состояния, ещё минут пять-десять потребуется на то, чтобы он отыскал конторщика. Конторщик послал сообщение в полицию – через того же дворника. И – «через несколько минут приставу 4-го участка Спасской части было сообщено, что в доме Яковлева в квартире вдовы статского советника Миклухи-Маклая обнаружено убийство».

Значит, фамилию Миклуха-Маклай носил некий статский советник, который должен иметь родственные связи с путешественником Миклухо-Маклаем. Второе: дом Яковлева находился в нескольких минутах ходьбы от полицейского управления Спасской части. На Садовой улице, на отрезке между Вознесенским проспектом и Крюковым каналом, до сих пор возвышается каланча – на пожарной части, к которой примыкало полицейское управление, по-старому – съезжий дом. В 1888 году в съезжем доме находилась и контора четвёртого полицейского участка.

Если уж нам вспомнился роман «Преступление и наказание», заметим, что сюда, в Спасскую часть, Порфирий Петрович вызвал Раскольников – в связи с убийством регистраторши, у которой бывший студент закладывал вещи. Точнее, не вызвал, а пригласил, почти как по знакомству. Но Раскольникову чего только не подумалось и не померещилось: «Когда на другое утро, ровно в одиннадцать часов, Раскольников вошёл в дом 4-й части, в отделение пристава следственных дел, и попросил доложить о себе Порфирию Петровичу, то он даже удивился тому, как долго не принимали его <...>. А по его расчёту, должны бы были, кажется, так сразу на него и наброситься».

Сам Ф. М. Достоевский до ссылки в Сибирь жил на Большой Мещанской. В 1840–50-х годах улица относилась не к Спасской, а ко 2-й Адмиралтейской части с полицейским начальством в съезжем доме на Офицерской улице. После Сибири, когда писатель снимал квартиру в доме Алонкина на Малой Мещанской, в 1864–67 годах, его квартал был приписан уже ко 2-му участку Казанской части. Так что Раскольников, которого Фёдор Михайлович поселил рядом с собой в Столярном переулке, возможно, имел встречу с Порфирием Петровичем в управлении на Офицерской улице, а не на Садовой...

Закончим, однако, свои рассуждения о чернилах. Пусть даже все упомянутые лица стремглав бегали, тут же бросались и кидались выполнять поручения, требуется, в целом, не менее получаса на то, чтобы сообщение об убийстве достигло ушей полицейского пристава в Спасской части. Пристав дал знать в сыскную полицию – на упомянутую Офицерскую улицу, где в кабинет Путилина, если верить рассказчику, вдруг врывается помощник в таком волнении и сообщает об убийстве Миклухи-Маклай с такими восклицаниями, как будто случилось нечто, с чем сыскная полиция ещё никогда не имела дела! И пока ещё полицейские чины отправились в дом Яковлева... За всё это время, за несколько часов с момента убийства, любые чернила высохли бы. Тем более что в те времена у каждого, кто имел письменный прибор, имелось пресс-папье с промокающей бумагой и, составляя чернилами документы, Александра Васильевна не могла не пользоваться им. Путилин видит груды бумаг в зале на століке. Если бы госпожа Миклуха-Маклай положила грудой свои записи, не промокнув чернила, всё тут же смазлось бы.

С непросохшими чернилами понятно – это писательская выдумка. Огромные лужи крови, заливавшие грудь бедной девушки, – авторская безвкусица... У нас, однако, появились зацепки, и для проверки всей этой истории отыщем дом Яковлева, расположенный недалеко от полицейского управления Спасской части, и выясним, жила ли там женщина с очень редкой фамилией Миклуха-Маклай.

Место, время и жертва преступления

Наши разыскания не кажутся сложными: в самом начале пишуший, кем бы он ни был, прямо указывает на место, где произошло убийство.

«Кто из петербуржцев не знает знаменитого дома Яковлева, известного более под именем Яковлевки? Эта каменная громада, построенная по всем правилам допотопной архитектуры, грязная, тёмная, со всевозможными дворами и лабиринтами, красующаяся и доныне, выходит на три улицы. Одной своей частью – на Садовую улицу, другой – на Екатерингофский проспект и третьей – на Вознесенский.

В этом доме бесчисленное множество квартир.

В некоторых, наиболее грязных, выходящих во двор, <...> ютилась и ютятся столичная беднота <...>. Но были в этом доме квартиры и более барские, аристократические. <...> В одной из этих квартир жила вдова статского советника Александра Васильевна Миклуха-Маклай, фами-

лия которой стала известной всей грамотной, интеллигентной России благодаря известному путешественнику Миклухо-Маклаю. Дело о зверском убийстве, которое я теперь заношу в мои записки, произошло в 1888 году, в апреле. Оно взбудоражило весь Петербург, прибавив лишнюю известность и без того популярной Яковлевке».

Если каждый петербуржец знал Яковлевку, если она была так популярна, отзвук былой славы должен донестись до нашего времени. Прислушиваемся к отзвукам – и ничего не слышим. Ищем на уже пожелтевших от времени и ещё белых страницах – и ничего не находим. Часть треугольного квартала между Садовой, Вознесенским и Екатерингофским занята приметным административным зданием со шпилем – это Дом городских учреждений, воздвигнутый в первом десятилетии двадцатого века. На другом, остром углу треугольника – так называемый дом Адама: одним крылом он тянется вдоль Садовой, с видом на Юсуповский парк, а вторым – вдоль бывшего Екатерингофского проспекта, который сейчас носит имя композитора Римского-Корсакова. На третьем углу, под номером 38 по Вознесенскому и под номером 4 по проспекту Римского-Корсакова, – средняя школа, здание современное. Что было раньше на месте школы? Краеведы и историки о том умалчивают, не имея сведений или не имея ничего интересного для рассказа. Если верить описанию, Яковлевка была каменной громадой, каким-то образом выходявшей сразу на три указанных улицы, – это как же она была расположена и где бы она здесь поместилась?

У известного путешественника были братья и сестра, но мы не обнаруживаем среди них статского советника с фамилией Миклуха-Маклай и с женой Александрой Васильевной. Любопытно, что события в рассказе происходят в апреле 1888 года, когда умер Н.Н. Миклухо-Маклай. Уж не притянута ли убийство Александры Васильевны к дате его кончины?

Литературная выдумка?

Хозяйку квартиры обнаружили в последней комнате: «У письменного стола <...> лежала Миклуха-Маклай. Её белое платье-капот было буквально всё залито кровью <...>. Лежала она так же, как и прислуга её, Надежда Торопыгина, навзничь, на спине, только руки её не были распротёрты, а судорожно притиснуты <...> к горлу, которое страшным ударом было почти совсем перерезано...» Снова приходят на ум литературные сравнения: здесь – варварски зверское двойное убийство, которое взбудоражило

весь Петербург, а есть рассказ Эдгара По об убийстве на улице Морг, там неслыханное по жестокости убийство всколыхнуло весь Париж. Американский сочинитель писал о двух женщинах с перерезанным горлом, причём, когда наткнулись на старшую, – её так хватили бритвой, что при попытке поднять труп голова отвалилась, и тут же найдено орудие преступления: «На стуле лежала бритва с окровавленным лезвием». У нашего рассказчика нож, которым зарезали двух женщин, валяется на полу. Почему убийца не унёс его, не спрятал, не выбросил?

В квартиру входят Путилин со своими агентами, прокурор, судебный следователь, полицейский врач и полковник В.; пока врач осматривает убитую девушку, Путилин проходит внутрь помещений, отмечая, что в первых трёх комнатах всё было в совершенном порядке, затем в зале он рассматривает бумаги – те, что с непросохшими чернилами, затем он описывает комнату, где произошло убийство Миклухи-Маклай: комод забрызган кровью, его ящики выдвинуты, у письменного стола ящики тоже раскрыты... И только тогда один из агентов обнаруживает кухонный нож. И не где-то в дальнем углу: орудие убийства лежало на полу в коридоре около прихожей. До этого все топтались у входа и большого окровавленного ножа не приметили?

Я придираюсь? Нет, я слежу за логикой повествования. Путилин делает вывод, что хозяйка знала убийцу или убийц: она явно сама провела их в кабинет. Путилин предполагает: «убийство совершено лицами, хорошо знающими как покойную, так и распорядок её жизни и те места, где у покойной хранились деньги». Ничего из платья, серебра и золота не похищено. Следовательно, убийцы пришли за деньгами, зная, что денег много, зная, в каких выдвижных ящиках они хранятся. Подозрение сразу падает на некую Королёву, ранее служившую кухаркой у Миклухи-Маклай. Вспоминают, что у неё есть сын Михаил, парень двадцати трёх лет, без определённых занятий. Путилин направляет чиновника Шереметьевского на квартиру Королёвых: «Произведите у них самый тщательный обыск и арестуйте их даже в том случае, если у них и не окажется ничего подозрительного!» Фраза совершенно театральная. Но в ней прозвучала фамилия чиновника, на самом деле существовавшего: в адресных календарях упоминается Л. А. Шереметьевский – в 1892 году, через четыре года после описываемых событий, он помощник начальника, а в 1898 году – начальник сысской полиции Петербурга.

Шереметьевский или Шереметевский «в сопровождении помощника пристава 3-го участка Казанской части Значковского отправился к Королёвым. Жили они в доме № 87 по Екатерининскому каналу.

<...> Это было типичное обиталище бедных, полуголодных людей. Невозможно грязный двор. Ужасный ретирад заражал его своим отвратительным звоном. Сделав несколько шагов вниз, по ступеням, залитым помоями, они остановились у двери, обитой ветхой, истлевшей клеёнкой».

Прямо достоевичина какая-то в описании грязного людского жилья и жалкого быта! Помните, где ютился Раскольников – в тесной комнатке, напоминавшей сундук, которую бывший студент называл конурой: «Ты ведь была в моей конуре, видела... А знаешь ли, Соня, что низкие потолки и тесные комнаты душу и ум теснят!» Или в какой норе жили Мармеладовы – в одном из домов где-то там же на Екатерининском канале: «Маленькая закоптелая дверь в конце лестницы, на самом верху, была отворена. Огарок освещал беднейшую комнату шагов в десять длиной <...>. Через задний угол была протянута дырявая простыня. За нею, вероятно, помещалась кровать...»

Шереметьевский застаёт Королёву за стиркой в прачечной, среди белья – рубашка её сына, и во многих местах на ней виднелись большие кровавые пятна. Полицейские обнаруживают также следы крови на пиджаке и башмаках Михаила Королёва. Тот утверждает, что порезался, из пальца текла кровь. Порез действительно есть. При обыске обнаружены деньги – их совсем немного, но Королёв все равно пугается, утверждает, что деньги не его. Парня прижали, он рассказал про убийство, уверяя, что совершил его вместе со старшим дворником яковлевского дома...

Преступник в рассказе быстро найден. А вот нам не удаётся отыскать Яковлевку и объяснить, откуда у Александры Васильевны фамилия Миклуха-Маклай.

Миклухо-Маклай из рода Миклух

В «Адресной книге города Санкт-Петербурга на 1892 год» зарегистрирован Михаил Николаевич Миклуха, проживавший на Васильевском острове. Это брат Николая Николаевича, известного этнографа, антрополога, путешественника – того, чьё имя носил с 1947 года Ленинградский институт этнографии, нынешний Институт этнологии и антропологии. Не берусь судить, велик ли вклад Миклухо-Маклая в указанные науки, но, по-моему, Николаю Николаевичу лучше всего подходит определение искатель приключений. Про людей такого типа говорили в старину: смельчак – что было вполне официальным именованием, а не просто одобрительным отзывом. В биографических сведениях, необходимых для публикации его работ, Николай Николаевич сообщал обтекаемо (о себе в третьем лице), что он «был опре-

делён матерью своей <...> во 2-ю С.-Петербургскую гимназию. Из 6-го класса он перешёл вольнослушателем в С.-Петербургский университет». Не стану приводить противоречивые сведения из разных источников, лишь повторю слова одного из ранних исследователей его жизни: Николай Миклуха не получил в России официального диплома об окончании своего образования. Как бы сейчас выразились, он не окончил даже средней школы. Я вовсе не подкапываюсь или осуждаю смельчака: мне понятно его нежелание протирать в течение многих лет штаны на академических скамейках, потом для начала карьеры корпеть над переписыванием бумаг в какой-нибудь затхлой канцелярии; он отправился на изучение живой, а не замаринованной природы. Не удивительно, что искатель приключений приписал себе и дворянство: «Отец естествоиспытателя-путешественника Миклухо-Маклая был дворянин Черниговской губернии. Потомственное дворянство было дано прадеду его, Степану, который, состоя хорунжим в одном из казацких полков, отличился при взятии Очакова в 1772 г. Отец Николая Николаевича получил образование сперва в Нежинском лицее...»

Напомню: Николай Ильич, отец естествоиспытателя, был просто Миклуха. В «Малороссийском родословнике» В. Л. Модзалевского дворян с указанными фамилиями, одинарной или двойной, нет. Точно так в британских родословах не имеется Маклаев – по легенде, придуманной то ли самим путешественником, то ли кем другим, род Миклух когда-то пересёкся с шотландским дворянином Маклаем. Собственно, за границей, выдавая себя за барона, наш путешественник стал подписываться по-английски MacLau, что должно читаться по-русски Маклей; в любом случае, среди шотландских баронов не было и Маклеев. Мнимый дворянский титул, каждому смельчаку просто необходимый, – не наше дело, нам хорошо бы узнать, каким образом Н. Н. Миклуха стал официально Миклухо-Маклаем. Хотя, по идее, любой человек, в том числе и в наши дни, может обратиться лично с заявлением в соответствующую службу и поменять имя, отчество, фамилию – хоть по отдельности, хоть все вместе. Ничего на этот счёт мы не находим в доступных публикациях; скорее всего, фамилию Миклухо-Маклай вписали Николаю Николаевичу при оформлении тех или иных документов, как говорится, со слов заявителя. А потом по личному заявлению в Миклухо-Маклая переименовал себя некий статский советник, муж Александры Васильевны? Упомянутый выше Михаил Николаевич, брат путешественника, оставался Миклухой до своей смерти в 1927 году – разве что ему приписывали по незнанию двойную фамилию. Как приписывали её и третьему брату, морскому офицеру

Владимиру Николаевичу Миклухе: тот погиб в Цусимском сражении, его имя было выбито на мемориальной доске в церкви Спаса-на-Водах, что стояла в конце Английской набережной.

Задним числом и отца, Николая Ильича, именуют иногда Миклухо-Маклаем. Например, в книге «Гимназия высших наук и лицей князя Безбородко» (изд. 2-е, 1881 год) в списке тех, кто окончил в 1835 году лицей (бывшую Гимназию высших наук), Николай Ильич фигурирует как Миклуха-Маклай, с пояснением Н.В.Гербелья: «Умер 20 декабря 1857 года в Петербурге. <...> Отец известного путешественника и учёного Ивана Николаевича Миклухи-Маклая». Приписав необоснованно Н.И.Миклухе двойную фамилию, Гербель сделал вторую ошибку, назвав путешественника Иваном...

Кстати, сам Гербель учился в указанном лицее. Что для нас интереснее, среди выпускников 1834 года обнаруживается некий Фёдор Егорович Миклуха, служивший потом младшим бухгалтером по хозяйственной части в Главном управлении путей сообщения. А в 1851 году в 25-м лицейском выпуске указан Василий Ильич Миклуха, коллежский секретарь, тоже служивший по железнодорожной части. Он приходится дядей Н. Н. Миклухо-Маклаю.

Некоторые краеведы, историки и особенно любители лишь бы чего написать утверждают, что у путешественника был родной дядя Григорий, и, как установили исследователи, именно Григорий Ильич учился и дружил с Николаем Васильевичем Гоголем, он рассказывал Гоголю об участии далёких предков Маклаев в борьбе с польской шляхтой и как молодой казак Назар Макуха полюбил некую вражескую барышню, что стало у Гоголя сюжетом для «Тараса Бульбы», а прадед путешественника, Степан Макуха по прозвищу Маклай, отличился во время русско-турецкой войны, императрица Екатерина II лично вручила ему дворянскую грамоту; именно он сменил фамилию Макуха на Миклуха, посчитав её более благозвучной... Такая вот окрошка: кое-что из «Ночи перед Рождеством», кое-что от «Тараса Бульбы», но особенно отдаёт «Записками сумасшедшего»...

Оставим в покое жизнь и приключения Н. Н. Миклухо-Маклая. Расследуя историю с убийством Александры Васильевны, вдовы статского советника, мы со временем найдём-таки ответы на поставленные вопросы, а что касается биографии нашего смельчака – там загадки, не поддающиеся разгадке, там столько путаницы, что упомянутый по ходу дела великий сочинитель Н. В. Гоголь развёл бы руками и воскликнул: «Чёрт знает что такое!» И добавил бы: «Ничего решительно не понимаю!»

Разносторонний треугольник в Спасской части

Коллежский ассессор Ковалёв, главный герой в известной повести Н.В.Гоголя, жил на Садовой улице. Двадцать пятого марта неназванного года Ковалёв, предпочитавший именовать себя майором, а не ассессором, проснувшись утром, посмотрел в зеркало и обнаружил, что у него вместо носа совершенно гладкое место. Цирюльник Иван Яковлевич, из-за которого случилось в Петербурге сие необыкновенно странное происшествие, проживал на Вознесенском проспекте... К чему нам это? В поисках Яковлевки мы решили оторваться от кабинетных размышлений: дойдём, пожалуй, до пересечения улиц и проспектов, указанных в путилинском рассказе, чтобы взглянуть на месте, что там и как там. Как сказал бы Гоголь, если поприспальнее взглядеться, что-нибудь прояснится – вдруг выступит само собою.

Первые визуальные наблюдения мы ведём как раз с того места, где висит Нос майора Ковалёва. Ему, Носу, создан памятник как действующему лицу в гоголевской повести, он увековечен в мраморе и водружён на стену углового дома, где Вознесенский пересекается с Екатерингофским, нынешним проспектом Римского-Корсакова. Стоя на углу, мы смотрим на место, где должна быть Яковлевка, но вместо каменной громады, вместо чего-то грязного и тёмного со всевозможными дворами и лабиринтами перед нами большое, чистое и светлое школьное здание. По Вознесенскому школа под тридцать восьмым номером, по проспекту Римского-Корсакова – под четвёртым. Перемещаемся по проспекту в сторону Садовой улицы. К школе примыкает и весь острый угол треугольника занимает дом Адама, вышеупомянутой. О нём много всего пишут. Например, в книге «Петербург Достоевского» есть глава, посвящённая поэту А. Н. Майкову, точнее, его квартире в доме Адама: «Квартира Аполлона Майкова (Садовая ул., 51): Поэт А.Н.Майков – ровесник и ближайший знакомый Достоевского <...>. С 1840-х годов, когда Достоевский впервые с ним познакомился, и до смерти Фёдора Михайловича поэт прожил в доме Адама напротив Юсуповского сада».

Правда, другие источники говорят о квартире Майкова в доме Аничкова – на противоположной стороне Садовой улицы и чуть ближе к Сенной площади. Туда, по воспоминаниям Аполлона Майкова, как-то явился к нему Ф.М.Достоевский с очень серьёзным и даже опасным разговором:

«Приходит ко мне однажды вечером Достоевский на мою квартиру в дом Аничкова, – приходит в возбуждённом состоянии и говорит, что имеет ко мне важное поручение.

– Вы, конечно, понимаете, – говорит он, – что Петрашевский болтун, несерьёзный человек и что из его затей никакого толка выйти не может. А потому из его кружка несколько серьёзных людей решились выделиться (но тайно и ничего другим не сообщая) и образовать особое тайное общество с тайной типографией, для печатания разных книг и даже журналов, если это будет возможно. <...> Хотите ли вы вступить в общество?

– Но с какой целью?

– Конечно, с целью произвести переворот в России. <...>

– Я не только не желаю вступить в общество, но и вам советую от него отстать. Какие мы политические деятели? Мы поэты, художники, не практики, и без гроша. Разве мы годимся в революционеры?»

Конечно, в связи с нашим расследованием хочется видеть Аполлона Майкова квартирантом в доме Адама, в пределах треугольного квартала, где произошло убийство Миклухи-Маклай. Но сам Майков, как мы видим, указывал на дом Аничкова, а в письме от 24 сентября 1867 года – на дом Шеффера. Поэт обращается к К.Д. Кавелину с просьбой помочь денежно Ф.М. Достоевскому, который истратил полностью гонорар от «Преступления и наказания» на уплату долгов: «Обращаюсь к Вам как к члену Комитета для пособия нуждающимся литераторам. <...> В настоящее время один из первоклассных наших писателей находится чуть не на краю гибели. Это Ф.М. Достоевский <...>. Теперь он совсем без денег. <...>. Если Комитет найдёт возможным что-нибудь для него сделать, прошу меня уведомить по адресу: в Большой Садовой, против Юсупова сада, в доме Шеффера». Было у Майкова и такое указание на свой адрес: «Живу я: в Большой Садовой, против Юсупова сада, в доме Куканова, 3-й подъезд от угла Екатерингофского проспекта, в 3-м этаже».

Или дом Адама переходил часто от одного владельца к другому, или Майков переезжал... Но всё время оставаясь против Юсупова сада!

Рядом на Садовой, тоже напротив означенного сада, проживал Ф.Т.Стелловский, тот, что в 1865–70 годах издал Полное собрание сочинений Ф.М.Достоевского в четырёх томах. Стелловский напечатал также четырёхтомное собрание сочинений А.Ф.Писемского (в 1861–67 годах). Какая связь? Такая, что у нас над головой, на пятиэтажном доме Адама, который сегодня под № 51 по Большой Садовой, имеется мраморная памятная плита с надписью: «В этом доме с 1858 г. по 1863 г. жил Алексей Феофилактович Писемский. Здесь он написал драму «Горькая судьбина».

Итак, и поэт Майков, и прозаик Писемский какое-то время проживали в том же квартале, где прои-

зошло убийство; может быть, в их записках или письмах найдётся хотя бы упоминание о знаменитой Яковлевке, хотя бы подтверждение тому, что существовал дом Яковлева? Ищем, читаем... Нет, ничего не обнаруживается.

Адресный стол

В девятнадцатом веке здесь находился адресный стол – в границах исследуемого нами квартала. Жаль, что он не сохранился – вместе со сведениями о петербургских жильцах девятнадцатого века! Мы бы туда обратились, и нам бы в две минуты дали справку, где именно был записан Майков, у какого домовладельца, и мы бы узнали, есть ли поблизости дом Яковлева и проживает ли там кто-нибудь по фамилии Миклуха-Маклай... Откуда такая уверенность, что ответ был бы получен в две минуты? Я просто повторяю слова Разумихина из романа «Преступление и наказание»: он искал Родиона Раскольникова и, обратившись в адресный стол, тут же получил справку. Вообще, рассуждения Разумихина в чём-то отражают наши, да и любые, поиски: ищем, например, дом Яковлева, Адама или Шеффера, а он, оказывается, принадлежал какому-то Куканову, – мы в звуках сбились, или имена и номера у нас перепутались...

«Видишь, Родя <...>. Когда ты таким мошенническим образом удрал от меня и квартиры не сказал, меня вдруг такое зло взяло, что я положил тебя разыскать <...>. Уж я ходил, ходил, расспрашивал, расспрашивал! Эту-то, теперешнюю квартиру я забыл <...>. Ну, а прежнюю квартиру, – помню только, что у Пяти углов, Харламова дом. Искал, искал я этот Харламов дом, – а ведь вышло потом, что он вовсе и не Харламов дом, а Буха, – как иногда в звуках-то сбиваешься! <...> Рассердился да и пошёл, была не была, на другой день в адресный стол, и представь себе: в две минуты тебя мне там разыскали. Ты там записан».

Алексей Греч, составивший в 1851 году справочник «Весь Петербург в кармане», указал в нём и адресный стол – с хвалебным отзывом: «Новое, весьма полезное учреждение, которым могут пользоваться частные лица, желающие узнать чьё-либо место жительства. Стол этот, или целое отделение, находится на углу Большой Садовой улицы и Вознесенского проспекта, в доме Управы благочиния». Греч объясняет, что для скорейшего отыскания нужного человека достаточно обозначить его прозвище и звание. Мы бы и обозначили: Александра Васильевна Миклуха-Маклай, вдова статского советника...

Мы уже переместились на третий угол – на пересечение Садовой и Воскресенского, где была когда-то Управа благочиния и при ней адресный стол. На их месте теперь административное здание со шпилем. Обойдя весь квартал, несколько запутавшись в вопросах о литераторах и литературных героях, в те или иные годы здесь проживавших то ли в тех, то ли в соседних домах, мы вернулись туда, где пересекаются Вознесенский и проспект Римского-Корсакова, где со стены углового дома на людскую суету сегодняшнего дня взирает, если можно так выразиться, Нос майора Ковалёва.

Вот эта улица, вот этот дом!

И если бы Нос майора Ковалёва, мраморный памятник, умел говорить, он сказал бы по-гоголевски что-нибудь про обилие в Петербурге всякого рода строений, департаментов, канцелярий, адресных столов и что великие предприятия оканчиваются зачастую ничтожными следствиями.

Наше предприятие не то что великое... А следствие ничтожно? Несмотря на видимый неуспех, присутствует ощущение близкой удачи. Так следователь, перебрав сотни квитанций, дорожных билетов, писем, протоколов, в том числе возвращённых из архива, нащупывает зацепку... Встречая имена Шеффера, Аничкова, Куканова, мы проверяли: а Яковлева нет в том же списке домовладельцев? При этом такого Яковлева, у которого недвижимость в Спасской части и на очерченном треугольнике. В сведениях из шестидесятых и семидесятых годов такого не обнаружилось. Доходит очередь до «Табеля домов и улиц» за 1888 год, и мы проходим, точнее просматриваем, сначала весь Вознесенский проспект, потом Садовую улицу... На Вознесенском под тогдашним номером двадцать восемь значился дом Челищевых – тот угловой, на котором сейчас красуется Нос майора Ковалева. А следующий, номер тридцать... дом Яковлева! Не покидая Спасской части, начинаем смотреть дома от начала Екатерингофского проспекта: слева, по чётной стороне, дом под вторым номером принадлежит наследникам Куканова, следующий, номер четыре, – яковлевский. А со стороны Садовой улицы? Номер 47 – дом Шеффера, номер 49 – Куканов, его наследники, а дом 51 – снова Яковлев. Вот и нашлась каменная громада, выходящая фасадами на три улицы.

Восстанавливаем мысленно вид треугольного квартала, каким он был в восьмидесятых годах девятнадцатого века: одну часть занимал дом Адама, владельцем которого стал в какое-то время Куканов. На пересечении Садовой улицы и Вознесенс-

кого проспекта – Управа благочиния, при ней Адресный стол, или Адресная экспедиция. А всё остальное было Яковлевкой. На сегодняшний день от каменной громады ничего не осталось. На её месте построили менее громоздкое школьное здание, внутренние дворы и лабиринты уничтожили, а тот промежуток, та брешь, что образовалась на Садовой между домом Адама и Управой благочиния, была застроена чем-то... В наше время там серое многоэтажное строение без архитектурных излишеств – возникшее в тридцатых годах двадцатого века, как я понимаю.

Что писали газеты?

Обратившись к газетам за 1888 год, мы обнаруживаем, что месяц апрель был просто урожайным на сведения о Миклухо-Маклае. В № 94 «Санкт-Петербургские ведомости» извещают о его смерти: Н.Н. Миклухо-Маклай умер 2 апреля 1888 года в клинике Вилье на 42 году своей жизни. В № 97 от 7 апреля пишут, что оставшиеся после скончавшегося путешественника Н.Н.Миклухо-Маклая материалы будут переданы для разборки в русское географическое общество. Есть сообщение о нём и 8 апреля 1888 года: в географическом обществе почтили память Миклухо-Маклая. Заметка от 13 апреля: выпущен очерк жизни покойного Н.Н. Миклухо-Маклая. Через три дня: «Недавно скончавшийся Н.Н.Миклухо-Маклай успел перед смертью закончить два объёмистых тома своего дневника». Семнадцатого апреля: «Супруга покойного Н. Н. Миклухо-Маклая на днях выезжает из Петербурга в деревню в Киевской губернии. Г-жа Миклухо-Маклай рассчитывает остаться в России для воспитания детей. Брат покойного Н. Н. Миклухо-Маклая живёт в Радомысльском уезде, близ м. Малина».

В номере за 24 апреля опять мелькнула знакомая фамилия – в разделе «Хроника»: «В нашей газете уже сообщалось об убийстве А. В. Миклухи-Маклай, тётки покойного Н.Н.Миклухо-Маклая. Двадцать второго апреля, арестованный и содержащийся в управлении петербургской сысской полиции, убийца крестьянин Королёв покушался на самоубийство...»

В те годы в газетах не было аршинных заголовков, привлекающих внимание публики к особо важным или скандальным материалам, так что в обилии сплошных текстов с неброскими заголовками я просмотрел предыдущее сообщение об убийстве в знаменитой Яковлевке... Для сравнения и проверки беру «Новое время», где в № 4364 от 22 апреля напечатано: «Сегодня, в десятом часу утра, разносчик

газет, позвонив в квартиру вдовы статского советника Александры Васильевны Миклухи-Маклай и найдя дверь отпертой, вошёл в переднюю и с первого же шага наткнулся на труп прислуги Миклухи-Маклай, крестьянки Надежды Ивановой Торопыгиной, лежавшей с перерезанным горлом <...>. При осмотре квартиры во внутренних комнатах найдена зарезанной также и хозяйка, старушка Миклуха-Маклай, лет 60. У обеих горло перерезано поварским ножом. <...> Через три часа после происшествия сысская полиция нашла виновного...»

«Биржевая газета», тоже называя Александру Васильевну родной тёткой знаменитого путешественника, подтверждает, что убийство было обнаружено случайно почтальоном. Так что полковник в путинском рассказе «Убийство Миклухи-Маклай» – литературная выдумка. В газете сообщают, что преступление совершено фактически 20 апреля, около 12 часов. В «Ведомостях СПб градоначальства и столичной полиции» (№ 93 за 22 апреля) указывается адрес убитой: в доме № 4 по Екатерингофскому проспекту, и называется время, когда Королёв совершил убийство: 20 апреля в 12-м часу дня. Так что любые чернила на документах высохли бы к утру следующего дня, даже если бы Александра Васильевна забыла их промокнуть... Подтверждаются наши подозрения, что в «Убийстве Миклухи-Маклай» много придуманного, но мы убеждаемся, что само событие – не выдумка.

По другим источникам мы уточняем инициалы домовладельца – он А.П.Яковлев. Убитая Александра Васильевна, судя по её отчеству, не могла быть родной тёткой путешественника, так что следует выяснять, кто был её муж.

Кто есть кто

В июне 1873 года Николай Миклухо-Маклай пишет матери с острова Ява: «Я живу здесь со всевозможным комфортом в отдельном павильоне буйтенцоргского дворца генерал-губернатора Ост-Индийских колоний. <...> Одно небольшое неудобство: приходится по вечерам к столу натягивать фрак и белые перчатки <...>; того требует этикет, который у голландцев очень соблюдается <...>. Генерал-губернатор здесь играет роль короля и имеет очень большую власть. Мне здесь хорошо живётся, могу отдохнуть без хлопот после Новой Гвинеи и работать спокойно». В обратном адресе он называет себя Н. де Маклай – чтобы по письмам, приходящим на его имя, колониальные чиновники, от почтальона до губернатора, знали, что их русский гость – дворянин, барон. Но нас интересует не

присвоенный титул смельчака, а его приписка в конце: «Напишите мне о <...> Василии Ильиче и даже, пожалуй, о Феодоре Егоровиче».

Письмо воспроизводится мной по академическому изданию с его подробными примечаниями, где Василий Ильич назван дядей путешественника. Вспомним: это тот Миклуха, который окончил в 1851 году лицей князя Безбородко в Нежине. По поводу Феодора Егоровича составители признаются: «ничего определённого выяснить не удалось». А мы кое-что о Фёдоре Егоровиче выяснили по ходу своего расследования. Во-первых, мы обнаружили его в списках нежинских выпускников: в 1834 году он вышел из лицея. Служил он потом в департаменте хозяйственных дел при Главном управлении путей сообщения, на 1859 год имел должность младшего бухгалтера и чин коллежского ассессора; в адрес-календаре на 1870 год его имя обнаруживается среди сотен и тысяч чиновных особ – он в штате Государственного контроля, должность младшего ревизора, чин коллежского советника... И ещё его имя встретилось во «Всеобщей адресной книге» за 1867–68 годы, где мы искали Александру Васильевну Миклуху-Маклай, а нашли трёх просто Миклух: Василий Ильич Миклуха, проживающий на Никольской улице, второй – Даниил Егорович Миклуха, коллежский секретарь с квартирой на Лиговке, третий – вот он, Фёдор Егорович Миклуха, коллежский советник. И смотрите какой у него адрес: Большая Садовая улица, дом 51, квартира 134. Это ведь дом Яковлева! Теперь мы знаем даже номер квартиры, в которой была убита Александра Васильевна, вдова Фёдора Егоровича Миклухи, дослужившегося в канцелярии на бумажной работе до статского советни-

ка. Судя по всему, этот Фёдор Егорович, просто Миклуха, не прямой, а какой-то дальний родственник, взял фамилию прославившегося Николая Николаевича, чтобы приобщиться к его известности.

Занимался ли И.Д. Путилин лично расследованием двойного убийства в знаменитой Яковлевке? Я уверен, что он, начальник сысской полиции, только отдавал распоряжения из своего кабинета на Офицерской улице. В 1888 году Иван Дмитриевич был уже в возрасте, он уже увольнялся один раз с работы по состоянию здоровья, и вообще служить ему оставался всего год до полной отставки – ему ли, начальнику и пожилому человеку, ходить на осмотр квартир и участвовать в оперативной работе? Но издатель, напечатавший в 1904 году путилинские «Записки», приписал ему непосредственное и активное участие в истории с убийством Александры Васильевны Миклухи-Маклай.

В «Биржевой газете» сообщали, среди прочего: «Несчастливая госпожа Миклухо-Маклай лежала на спине, ногами упёршись в письменный стол, на груди у неё безотлучно находились четыре собачки, не подпускавшие никого к трупам». Если бы Путилин сам ходил на место преступления, он бы запомнил этих собачек. Если бы он сам создавал и готовил к публикации рассказ об этом убийстве, он не стал бы выдумывать про непросохшие чернила.

□

Константин Борисович ВАСИЛЬЕВ –

петербургский автор.

Окончил Ленинградский университет.

Его первые очерки, рассказы и переводы печатались в журнале «Костер».

Филолог по образованию, написал ряд пособий по английскому языку, в издательствах «Эксмо» и «Астрель» выходили его самоучители «Легкий английский», «Полезный английский» и «Живой английский», школьный курс «Ваш любимый английский».

Готовил к печати книжные серии «Русская словесность» и «Наследие» для издательства «Азбука».

